

Сестра Щётка, в форме и с двумя пучками на голове, стояла с покрасневшимся лицом:

— Братик, мы пришли навестить тебя!!

Казалось, она вот-вот кинется в объятия. Линь Хайян, нервничая, тут же протянул руки, но обнял воздух, и его конечности застыли в неловком положении.

— Пришли...

Фанаты принесли кучу гостинцев. Похолодало, и среди пакетов с шоколадом, печеньем и молочным чаем лежали заботливо положенные согревающие пластыри, а для режиссёра и гримёра принесли грелки. Девушки сияли улыбками:

— Спасибо, что заботитесь о Хайяне!

Съёмочная группа замахала руками:

— Да ну, что вы, это же пустяки...

Довольный режиссёр разрешил Линь Хайяну отдохнуть. Цзи Сяобин, вся в крови, лежала на койке. Рядом неспешно подошёл высокий ассистент, протянул ей стакан воды, не отрывая глаз от Линь Хайяна. Цзи Сяобин закатила глаза, отхлебнула и чуть не вскрикнула:

— Какой холодный!!

Ассистент взял стакан, посмотрел и простодушно улыбнулся:

— Ошибся, ледяную воду взял.

Цзи Сяобин:

— ...Паршивый мужик, забыл о дружбе, когда красота рядом!

Ассистент промолчал, лишь глаза продолжали упрямо блуждать в ту сторону. Цзи Сяобин сказала ему:

— Держи клей. Выковырай свои глазные яблоки, я их к нему приклею.

Ассистент почесал затылок и упрямо буркнул:

— Мне просто кажется, он милый, ничего больше.

Цзи Сяобин фыркнула:

— Заткнись, гей паршивый.

Линь Хайян, не ведая о бушевавших рядом страстях, был окружён стайкой благоухающих девиц и снова превратился в краснолицего здоровяка, бормоча:

— Зачем столько всего... Деньги тратить...

Фанаты натащили ему кучу еды: фруктовую нарезку, печенье, жемчужный молочный чай. Одна фанатка даже пронесла через весь путь приготовленную лапшу быстрого приготовления с говядиной — горячую, ни капли не пролив:

— Братик, голодный? Кушай!

Линь Хайян глядел на стол, ломящийся от угощений, и вдруг поймал себя на мысли, что чувствует себя одновременно свиньёй и обезьяной: его откармливали, как свинью, и разглядывали, как обезьяну.

На самом деле он не был голоден, но, видя сияющие глаза сестёр Ри, Линь Хайян решительно взял мандарин.

— Хорошо.

У Линь Хайяна была привычка: он не только очищал мандарин от кожуры, но и тщательно обдирал белую сеточку, иначе есть было неприятно. Его неуклюжие пальцы долго возились, пока Сестра Щётка не забрала фрукт:

— Я помогу.

Линь Хайян, смутившись, покраснел:

— Не надо, я сам...

Но Сестра Щётка, будто не слыша, мигом очистила мандарин и сунула ему в рот:

— Кушай.

Линь Хайян подавился, надул щёки, старательно жуя, и попытался говорить:

— Ммм, спас...

Рядом девушка щёлкала камерой, снимая Линь Хайяна, а потом сфотографировала руку Сестры Щётки. Та вдруг вспомнила о своей задаче.

Они были уверены: у Линь Хайяна точно есть секретный аккаунт, и он прячется среди них, подглядывая.

Но вычислить его не могли.

Линь Хайян сосредоточенно ел, то лапшу, то чай, раздувая щёки. Сестре Щётке нестерпимо захотелось ткнуть его пальцем. Линь Хайян вздрогнул, поднял свои огромные, полные непонимания глаза и спросил:

— Ммм?

Девушка пала жертвой его милоты, едва поднялась, но не забыла о миссии и спросила:

— Братик, чай вкусный? Не горячий?

Линь Хайян сделал большой глоток:

— Вкусный, не горячий.

Другая девушка пододвинула манговый блинчик:

— Братик, блинчик вкусный? Не сладкий?

Линь Хайян откусил, оставив крем на губах:

— Вкусный, не сладкий.

— Тортик нравится? Не приторный?

Линь Хайян съел кусочек тирамису и покачал головой:

— Нравится, нет.

— Твой секретный аккаунт — «Зелёный бамбучок ищет маму»?

— Нет, не этот.

— А...

Кругом воцарилась тишина. Линь Хайян, опустив голову, продолжал с аппетитом уплетать. Прошло три-четыре минуты, и он окаменел:

— !!!

Дрожа, он поднял глаза. Окружавшие его девушки смотрели на него с загадочными улыбками:

— Что перестал есть?

Линь Хайян не смел и слова вымолвить. Внутри он осыпал себя пощёчинами: так легко поддаться на уловку, вот же я болван!!

Сестра Щётка, успешно выполнив задание, уводила стайку прыгающих от восторга девушек. Перед уходом они собрали со стола весь мусор, а она, наклонившись к Линь Хайяну, сказала, что они обязательно его найдут.

Линь Хайян боялся даже подумать, что именно они ищут. Нахмурившись, он побежал к режиссёру, заявив, что отдохнул и готов продолжать.

Съёмки клипа шли гладко. Сегодняшний день был последним в графике, после чего — завершение работы. Линь Хайян в липком костюме и Цзи Сяобин, которая почему-то не переставала закатывать глаза, отработали без сучка без задоринки. Менее чем за два часа его сцены были закончены.

В последнем кадре персонаж А должен был улыбнуться полицейскому Б, который был подставлен и попал в тюрьму. В сценарии было лаконично: «улыбнуться». Как улыбаться, какая улыбка — ничего не указано, нужно было искать самому. Цзи Сяобин попробовала один раз. Линь Хайян, который должен был широко раскрыть глаза, хорошо вошёл в эмоцию, но, увидев её искажённую ухмылку, чуть не описался от смеха.

Цзи Сяобин, конечно, получила «стоп» от режиссёра. Тот сказал:

— Сяобин, попробуй ещё, найди нужное ощущение.

Цзи Сяобин, уставившись в сценарий, не сдавалась, попробовала ещё несколько раз, но каждый раз получала «стоп». В конце концов сама рассмеялась:

— Да откуда я знаю, как надо улыбаться!

Линь Хайян, глупо ухмыляясь, наблюдал за этим со стороны, как вдруг режиссёр назвал его имя. Он чуть не подпрыгнул.

— Спроси Хайяна, пусть покажет, — сказал режиссёр.

Цзи Сяобин устремила на него свои большие глаза. Линь Хайян выронил дольку арбуза.

— Я... я тоже...

Сценарий сунули ему в руки. Линь Хайян поразмыслил, обдумал. Цзи Сяобин, не отрывая от него взгляда, спросила:

— Начинаем?

Линь Хайян, слегка озадаченный, нахмурился:

— Начинаем.

Цзи Сяобин смотрела на него с долей шутки, наблюдая, как его тёмная, взъерошенная голова медленно поднимается, открывая резкие брови и скрытые под ними угольно-чёрные, абсолютно чистые глаза, лишённые эмоций, от которых кровь стынет в жилах.

Его прямые губы медленно изогнулись, образуя небольшую дугу. Глаза слегка прищурились, но чёрные зрачки по-прежнему неотрывно смотрели на Цзи Сяобин — неподвижно, пугающе. Цзи Сяобин застыла, её пробрала дрожь.

— ...Не пугай меня, — она отвортила его голову. — Ты же должен научить меня!

На лице Линь Хайяна вновь расцвела глупая улыбка.

— Ну, выражение лица не должно быть слишком широким, глаза нужно держать прямее... Нельзя улыбаться слишком открыто, но нужно, чтобы другие почувствовали, что ты улыбаешься... — Он задумался и вынес вердикт:

— Это как зловещая улыбка.

Цзи Сяобин замолчала: ...Твою мать, зловещая улыбка.

Линь Хайян, решив, что она не поняла, вновь собрался с духом и спросил:

— Хочешь, ещё раз покажу?

Цзи Сяобин отвортила его голову в сторону, поспешно отказавшись:

— Нет, брат, это действительно вредно для здоровья...

Линь Хайян, повернувшись, встретился взглядом с ассистентом, чьё лицо сияло розовым румянцем томления, и в недоумении громко чихнул.

— ...Линь Хайян, ты на меня чихнул.

— Прости!

К несчастью, после этого чиха на следующий день Линь Хайян простудился.

С детства он занимался ушу, не пропуская тренировок ни в дождь, ни в ветер. Как и его дед, он был крепкого сложения и болел редко.

Но если уж заболел — то основательно, и быстро не поправлялся.

Линь Хайян сидел дома, закутавшись в одеяло. Нос был заложен так, что жизнь казалась не мила, голос стал гнусавым.

— Брат Цзи, я заболел.

Услышав это, менеджер встревожился не на шутку, тут же примчался на машине, открыл дверь и увидел на диване большой свёрток-рулет, внутри которого находился Линь Хайян.

— Простудился?

Линь Хайян пребывал в полубреду. Ему казалось, что голова набита соплями, глаза едва открывались.

— Угу...

Менеджер, видя, что тот не шевелится, подошёл, прикоснулся ко лбу — и испугался.

— Да у тебя жар!

<http://bllate.org/book/16280/1466226>